

Хайруллова Амелия

*Дневник
одной
жизни меня*

Амелия Хайруллова

Дневник одной жизни меня

«Издательские решения»

Хайруллова А.

Дневник одной жизни меня / А. Хайруллова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513079-2

Вы когда-нибудь хотели сбежать? Сбежать от той жизни, которая приносит только страдания, от тех людей, которые гасят пламя вашего сердца и, кажется, только наслаждаются вашей болью... Вам когда-нибудь хотелось домой так сильно, что вы были готовы на все, даже на побег? Любите ли вы жизнь и готовы ли вы побороться за нее? Жива ли в вашем сердце надежда на то, что тьма еще не захватила весь мир? Верите ли вы в судьбу, в Божий промысел? Готовы ли встретиться со всем, что вам уготовлено этой жизнью?

ISBN 978-5-00-513079-2

© Хайруллова А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	8
IV	9
V	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дневник одной жизни меня

Амелия Хайруллова

© Амелия Хайруллова, 2020

ISBN 978-5-0051-3079-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Горел костер. Он обжигал мое лицо и руки, его блики плясали в моих глазах, гипнотизируя меня. Спину обдавало холодом. Я заворожено смотрел на огонь, стараясь не двигаться, чтобы не вызывать боли. От голода тошнило и сводило все внутри. Руки и ноги немного дрожали... от слабости.

Горел костер, и голова моя горела адской болью по большей части от той мысли, что я сбежал... Я сбежал! Конец тому времени, которое я провел «в рабстве» у *них*. *Они* забрали меня, совершив набег на деревню. *Они* увезли меня с собой как добычу. *Они* били меня, когда я не подчинялся, потешались, когда мне было больно, играли как кошка с умирающей мышкой... но не было ни единого дня, когда бы им удалось погасить во мне искру надежды на побег, надежду стать снова свободным, найти свой дом. И сегодня та искра разгорелась, превратившись в пламя. И я сбежал. За мной гнались, но не поймали; я мчался вихрем на коне сквозь поля и рощи, на моем единственном друге, на единственном понимающем меня существе, оказавшимся готовым мне помочь. Еще сегодня утром мое сердце обещало выпрыгнуть у меня из горла, но, кажется, передумало.

Горел костер, горела моя голова, горела мечта в моем сердце... Мне хотелось бежать, но мое тело будто говорило мне: «Смерти ты моей хочешь? Нет уж, никуда ты не пойдешь...» Оно молило о пощаде, но я был немилосерден. Я знал, что завтра я опять заставлю его идти, бежать, напрягаться.

В молчащем лесу вдруг что-то грохнуло – я резко обернулся, разбудив в себе жестокое существо, по имени боль. Долго всматривался я в темноту; перед глазами танцевали красно-зеленые безобразные пятна, мешавшие что-либо рассмотреть. Мое сердце колотилось, ожидая, что вот-вот что-то выпрыгнет из черной гущи деревьев и растерзает, убьет меня, не оставив времени даже на последний вздох. Чего именно боялся я, человека или какое-нибудь мистическое существо, прислуживающее темной силе, я и сам толком не знал; тогда мне казалось, что особой разницы между этими двумя нет. Проведя минут семь с вывернутой шеей, я повернулся опять к костру, лег на сожженную солнцем траву, закутавшись в плащ, съжившись в один большой комок. Я знал: еще один шорох и мое сердце исполнит свое обещание. Когда я погрузился во мрак, мне казалось, что я крутился вне земного измерения, где-то в космосе, в неведомости... Мои нервы были возбуждены до крайности, в ушах звенело, шумела кровь, колотилось сердце. Кажется, всю ночь я провел в полубытьи, готовый в любой момент вскочить, выхватить нож и бороться. Я просто устал, очень сильно устал...

II

Я очнулся утром. Открыв глаза, я увидел над собой шумящие кроны деревьев. Костер давно потух, совсем рядом слышалось жаркое дыхание и фыркание моего коня. Я пошевелился и тут же ощутил в теле вчерашнюю жгучую боль и усталость. Мне казалось, что в животе горит огонь, будто кроме костей и обтягивающей их кожи ничего больше не было. Я раскрыл полы своего плаща и приподнял рубашку. Обнажилась бледная кожа с красными и синеватыми порезами; живот ввалился и выступали ребра. Я поспешно опустил рубашку, запахнул плащ и опять повалился на сырую от утренней росы траву. Вдруг что-то жесткое врезалось мне в спину и хрустнуло. Со вздохом я вынул это что-то, что оказалось свертком... с хлебом. Это был засохший черствый хлеб, который я, сам не знаю почему, положил несколько дней назад в задний карман своего плаща. Это был подарок, который я сам сделал себе ненароком, и которому был очень рад, лежа от изнеможения на лесной поляне. Я отломил несколько кусочков сухаря и сунул их в рот. Размачивая черствый хлеб слюной, я вдруг ощутил невероятное наслаждение и прилив сил; в голову возвратилась ясность мысли. Разжевав небольшой сухарь до последней крошки, я выпил остатки воды из моей фляжки, подобранной однажды на земле в одном из лагерей, и только потом взобрался на коня.

Дыхание сушило горло, как горячий ветер в пустыне сушит раскаленную песочную глыбу. От обезвоживания и усталости я лег на шею моего коня. В горле стоял ком, и от него тошнило. В животе опять горело, а худые обессиленные руки и ноги повисли, как плети. Губы противно запеклись, и веки на половину закрыли глаза. Я медленно и слабо погладил, а потом тихонько похлопал по груди коня. «Нам нужна вода» – прошептал я ему. Каждая согласная прокатывалась как острый кусок раскаленного железа по моему будто рваному горлу. День клонился к вечеру, но летний зной не спадал. Земля была твердая как камень, а растения напоминали иссохшие колючки. Зажав между пальцев прядь конской гривы, я перестал бороться с давившей на меня, закрывавшей мои глаза тяжестью. Подо мной я почувствовал напряженное движение мышц – конь ускорил шаг. Но эта мысль пролетела в моей голове так быстро, что я не успел зацепиться за нее, не придав ей особого внимания. Прошло несколько мгновений, и я забылся.

III

Я очнулся от дыхания свежего ветра. Открыв будто смазанные жиром глаза, я обнаружил, что уже смеркается. Вскоре, когда глаза привыкли к полумраку, я вдруг понял, что до сих пор лежу на коне, а он (мое сокровище!) стоит у какого-то водоема, не то озера, не то реки, который простирается вплоть до чернеющей громадины леса. Мое сердце замерло от радости, и я, как был, так и свалился с коня, потому что все члены моего тела затекли до ужаса. Я упал прямо в воду и, продвинувшись немного вперед на четвереньках, упав в воду так, что она залилась мне в рот и нос, начал судорожно глотать ее, мутноватую, горькую...

Меня окружал темный шумящий лес. Пламя весело потрескивало и плясало, будто стараясь развеселить меня. Я смотрел на него, прикрывшись плащом, слушал шепот окружающей меня природы и с трудом жевал сгоревшую снаружи но сырую внутри рыбу. Это была не самая лучшая пища, которую я ел в моей жизни, но большего я тогда не требовал. Раздирая волокна сырого мяса зубами, я ни о чем не думал. Голова и так была тяжела. Заставив себя дожевать бедную рыбу, я лег прямо на траву и тут же заснул, также ни о чем не думая.

IV

Облака по-летнему плавали в небе, как огромные куски ваты. Задорный прохладный ветер дул с водоема, нежно овеивая мое лицо. Я проснулся и все лежал на мягкой траве. В моем воображении вдруг восстало воспоминание: мальчик лет восьми с темными немного выющимися волосами лежит на кровати с железным изголовьем, щурясь от лучей утреннего летнего солнца, проникающих в комнату. Окно открыто, и из него утренней свежестью течет прохладный ветерок. Мальчику хочется лежать на своей прекрасной кровати, полежать на ней еще хоть чуть-чуть, но он знает, что нужно вставать. От этой мысли кровать кажется еще мягче и привлекательней... Но вот раздаются неспешные легкие шаги, дверь открывается, и в комнату входит мама. Она останавливается и укоризненно-ласково смотрит на сына. Мальчишка со звуком, похожим на стон, медленно встает с кровати и, понурившись, громко шлепая босиком по деревянному полу, идет к двери. Красивая женщина останавливает его и заключает в объятия. Мальчик утыкается лицом в ее свежее простое платье, как-то по-особенному пахнущее... пахнущее мамой и домом. Затем он поднимает голову, и их взгляды темно-карих и сине-зеленых глаз встречаются. Мама улыбается и настойчиво шепчет: «Пора!»

Это детское воспоминание отдавалось в моем сердце глухой болью, но оно же грело меня и не давало унывать... «Пора!» – прошептал я и встал с мягкой травы. Поймав еще несколько крошечных рыб, я приготовил их, но на этот раз уже был осмотрительнее и, прежде чем сунуть мясо в обжигающие языки пламени, я разрезал каждую рыбу на несколько частей. Завернув свой провиант в большой лист, наполнив фляжку водой, я отправился дальше. Я не знал, куда мне нужно, куда я иду, где я вообще.

Несколько месяцев или лет назад (я потерял всякий счет времени) был такой же солнечный день, когда я направлялся в небольшой городок, где жил мой дядя, откуда меня и похитили. К тому времени дядя вернулся с фронта. Раненный. В грудь. Он более не мог сражаться. Я относил ему и его семье хлеб, потому что у них не было ничего. Я помню, как подошел к изголовью его кровати, как взял его дрожащую руку в сильную свою, как пытался сдержать слезы, глядя на его замотанную грудь, темно-лиловые синяки под добрыми глазами, разорванные сухие губы, бледные впавшие щеки и редкие обгорелые черные волосы. Помню, как наши взгляды встретились, и он улыбнулся... Но тут раздался шум, крики, грохот; разрушился дом, набежали солдаты и... я потерял сознание о страха и удара по голове. А очнулся в *их* поезде.

Я брел по краю водоема, держа коня под уздцы. Снова стало страшно и вдобавок как-то совестно, что столько людей погибло, а я выжил. И чего я *им* так приглянулся?.. легче это разве, остаться среди такого ужаса, когда страх наваливается со всех сторон и подстерегает за каждым кустом и деревом, из каждой тени ждешь по вражескому солдату? – Нет не легче. Но я решил, что буду бороться, уж лучше умереть в борьбе, чем глупо, из-за страха.

Я зашел в густой еловый лес. Было свежо и темновато. Пробиваться через густые колючие заросли с конем было ужасно не удобно, но отпустить моего друга я не мог. Ветки хлестали и царапали лицо и руки, плащ цеплялся за сучья и иголки; казалось, тонкие, гибкие ветки так и норовили выколоть глаза; болотистая почва затягивала слабые ноги. «Господи, да куда же я зашел?» – с отчаянием думал я, пробиваясь сквозь неприветливую природу. Но вот, деревья начали редеть и вскоре расступились. Передо мной расстелилась зеленым свежим ковром поляна. Я поглядел вниз и увидел красные ягоды – клюква. Я упал на колени и стал ползать по зеленому ковру с этой благодатью, которой было немного. Пройдя немного вперед справа показались заросли малины и несколько яблонь. Пока я углублялся в свежие, влажные

от росы кусты малины, в воображении возникло теплое летнее ранее утро. Тот же мальчик бежит босиком по мокрой от росы траве, – бежит по лесной опушке к огромному кусту малины. Он заходит в его прохладную тень, ступая по сырой холодной земле; стволы колются, но он не чувствует этого. Тонкими умелыми пальцами он срывает одну за другой спелые, налитые соком ягоды, поблескивающие каплями росы, таящие медом во рту. Наевшись сладких ягод, он накладывает малину в кружечку, в карманы и, оттопырив их, бежит домой, полный радостной мыслью обрадовать свою мать, отца, сестер и братьев... ведь он старший, он – первенец!..

Мне не верилось, что я когда-то был этим радостным мальчишкой...

Куст малины был пройден мной насквозь. Я сделал еще несколько шагов и вдруг увидел невдалеке тропинку. Она шла ко мне навстречу, плавно заворачивая вправо. Я ступил на дорожку. Трава была немного примята, на ней блестели алые капли... «Кровь?» – подумал я. Пробиваясь через царапающие ветки с колотящимся от радости и волнения сердцем я шел по этой странной тропе. Вот проблеснула среди листвы копна рыжих волос; я резко раздвинул ветви и увидел мертвеца. Ужас хлынул в мое сердце и я еле сдержал крик. В голову бросилась кровь, затошнило. Застыв в неестественной позе, вжав левую руку в грудь, по которой расползлось алое пятно, мужчина лет тридцати пяти, рыжий и мертвенно-красивый лежал на окровавленной траве, уставив стеклянные глаза в никуда. Я отшатнулся на несколько шагов назад, а потом побежал со всех ног, спотыкаясь о корни и поминутно падая, побежал по тропинке, проделанной этим уже мертвым мужчиной. Судорожно дыша, я выбрался к началу тропы на опушку леса. Передо мной раскинулось поле... поле битвы. Я ступил на выжженную пожелтевшую траву. Небольшое поле было окружено густым лесом. На нем, видимо, был сенокос, но сейчас лежали тела убитых людей. Навалившись друг на друга, застыв с косами и граблями в руках мужчины, женщины и дети лежали на сене, будто уснув на мягком ложе, которое они сами же себе приготовили.

Я пошел по скошенной траве, сам того не сознавая. Я знал, что выходить на открытые пространства опасно, но все равно пошел. Поглядывая на израненных штыками и пулями крестьян, в чьих лицах застыло выражение ужаса, боли и страха, я отводил глаза от каждого потухшего, стеклянного взгляда, чувствовал как в мое сердце с невыносимой болью все глубже врежется нож скорби. Но я продолжал вглядываться в мертвые лица, сам того не желая. Может быть, я искал живых? – Не знаю.

Вдруг, когда я посмотрел в одно из множества лиц, что-то во мне дрогнуло. Тот невидимый нож разрезал сердце надвое резко и неожиданно. Передо мной лежала моя двоюродная сестра. Убитая. Я вскрикнул, со всей силой пнул умирающую землю и повалился на траву среди мертвецов, сам убитый горем, изнемогая от душевной и физической боли.

О, Боль, что делаешь ты с людьми? Ты заставляешь кричать и плакать взрослых людей как младенцев, катаясь по почве, задыхаясь от слез. Но переборов тебя, мы становимся сильнее... сколько же моих сил нужно тебе? Сколько?! Хотя, это не так важно. Только знай, тебе не сломать меня... Не сломать...

Стиснув дрожащие губы до боли, я подобрался к моей сестре. Мы были одного возраста. Помню, как вместе играли мы на небольшом лугу, как ходили по землянику, как вместе выгуливали гусят и бегали от злой гусыни... помню ее звонкий, как весенний ручей, задорный смех... Я помню, как однажды ее семья уехала в другую деревню. Как мы, встречаясь редко, крепко обнимали друг друга, когда были еще детьми... А сейчас она лежала передо мной, не видя и не слыша ничего, устремив пустой взгляд туда, куда отправилась ее душа. Я убрал прядь русых спутанных волос с ее мертвенно-бледного лба, закрыл ее восхитительно боль-

шие, когда-то зеленые глаза. Ее грудь больше не вздымалась. Все было кончено. Ее тело было полностью изранено: видимо, кто-то поиздевался. Красно-багровые пятна уже давно запекшейся крови на ее платье давали знать о том, что ее тело было специально изуродовано наглем. Машинально я насчитал около семнадцати ран, нанесенных, судя по всему, штыком или ножом. Каждую из них я чувствовал на своем теле; как страшно было осознать, что она, это прекрасное невинное создание, умирала, мучаясь от боли. И зачем она только оказалась на этом поле!? Я огляделся: вокруг ни ее отца, ни матери... Боже!

Я похоронил ее на лесной опушке, не омыв тела; лишь прочитал несколько молитв и посадил на пригорок могилки куст лесных ромашек. Я плакал, даже не стараясь сдержать ни слез, ни крика, ни стенаний.

Я свистнул; эхо раскатилось по лесным окрестностям далеко-далеко. Скоро галопом приехал мой конь, темно-коричневый с белым пятном на лбу. Я потрепал его по гриве, прислонился головой к его теплой морде, оставив на его шерсти свои слезы. Взяв его под уздцы, я был рад излить душу своему верному другу, который как будто понимал каждое мое слово, сочувствовал черными большими глазами и время от времени потряхивал головой.

Опухшими глазами я оглядывал поле. Мне вспоминался мой первый сенокос. Тот же черноволосый мальчуган старается на поле среди взрослых мужчин и женщин, усердно скашивает высокую сочную траву своей маленькой, специально для него смастеренной косой. Палит солнце, двигаться тяжело; на лбу и висках мальчишки уже давно выступили большие капли горячего пота. Чтобы облегчить этот труд, он представляю, что он – великан, и его оружие – коса. Один ее взмах – и десятки врагов падают навзничь. Вдруг откуда-то появляются силы, взмахи становятся чаще и увереннее, резвый мальчик продвигается вперед, вперед...

И эти крестьяне оказались травинками на пути жестокого великана. Всякий, даже самый крепкий и сильный стебель все равно рухнет под острым металлическим лезвием.

Вдруг рядом раздался шорох и глухой стон. Я замер. Звуки повторились совсем рядом. Остановив коня, немного нагнувшись, изгибаясь как кошка, я зашагал через трупы на таинственный зов. И вот, в шагах трех от меня что-то зашевелилось. Я присел, сделал еще один осторожный шаг и увидел девочку, маленькую и, видимо, раненную. Заметив меня, она вдруг закричала, потом забормотала шепотом, в котором слышались нотки крика, от которого по телу проходили мурашки и замирало сердце. «Не подходи! Не подходи!» Девочка, прижав одну руку к груди, карабкалась на трупы, пытаясь убежать от меня. Но беспомощно цепляясь за все, что лежало рядом с ней, она почти не сдвинулась с места и все шептала: «Не подходи! Не подходи!» Очнувшись от оцепенения, я начал к ней приближаться, вытянув вперед руки с открытыми дрожащими ладонями, спокойно говоря: «Не бойся, я не причиню тебе боли, я помогу тебе. Все закончилось! Я тебя спасу.» Но та продолжала ползти и шептать. Я приблизился к ней быстро, чтобы поскорее закончить эту странную сцену; я не хотел вызывать страха. Видимо, осознав, что я все равно ее догоню, девочка наконец замолчала и вся сжалась в комочек. Я дотянулся до нее и положил руку на ее голое плечо. Она дрожала. Так прошло около минуты. Малютка продолжала лежать съезжившись. Прошло еще около пяти минут, и тело ее немного разжалось. «Пойдем со мной!» – прошептал я. Ответа не было. Я взял девочку на руки, ее тело, словно тряпичная кукла, вдруг обмякло у меня на руках: голова неестественно повисла, руки и ноги тоже, глаза были закрыты. Но руками я чувствовал частое биение маленького сердца. Ее платье было изорвано и испачкано в крови. Я понес ее к лесу. Нужно было найти водоем.

V

Свежий ветер дул с небольшого озера, спрятанного среди глухих зарослей орешника. Я положил заснувшую у меня на руках девочку на плащ и напился прохладной воды, потом присел рядом со спящей и долго смотрел на нее в тихом полусумраке деревьев. На вид ей было лет восемь, ее светлые рыжеватые волосы выбились из растрепанной длинной косы, кожа была на удивление темная и здоровая, светло-коричневые узенькие брови оживляли лицо, а большие ресницы были завиты вверх; немного вздернутый вверх носик и бледные губы были очень аккуратны, как и остальные черны ее лица. Косынка слетела на тонкую шею. Она была одета в светло-серое легкое платье, немного потертое и выцветшее, разодранное от самого ворота до талии. Руки и ноги девочки были изящны, но страшно худы. Мой взгляд опять переместился на разодранное платье с багровевшими на нем пятнами крови. Нужно было промыть рану бедному ребенку, а я сидел, как дурак, очарованный ее притягивающей красотой. Мне не хотелось разбудить это прекрасное существо, но делать было нечего. Я тронул ее руку – но она не шелохнулась. Тогда оторвав лоскут от моего и так разодранного плаща, я положил его на колени и вынул нож. Осторожно я разрезал ее платье до конца и отогнул махрившиеся края, обнажив мирно спящее тело. На несколько секунд я застыл от и неожиданности: как долго я не видел тела другого человека! Но чувство, похожее на восторг, мешалось с чувством вины и стыда, я ощущал себя варваром, люблюсь этим исхудавшим, но очень гармонично сложенным женским существом. Вдруг что-то замерло в моем сердце: от левой ключицы по всей груди и животу почти до правой выпирающей тазовой кости простерлась глубокая багровая царапина. Из нее продолжала сочиться алая свежая кровь, мешаясь с черной, запекшейся.

Я намочил ткань водой и приложил прохладный влажный лоскут к началу ее раны. Вдруг глаза девочки распахнулись, она с шумом вдохнула и резко повернула ко мне голову, но телом не шевельнулась. Шумно дыша, она смотрела на меня пристально, с испугом и недоверием своими большими ярко серыми глазами, в которых я утонул на несколько секунд. Затем я стал медленно продолжать омывать ей рану – ее ясный взгляд также пристально следил за моими руками, дыхание оставалось таким же шумным и глубоким. Она ни разу не застонала, хотя на лице ее порой появлялось выражение режущей боли: губы сжимались, брови нахмуривались, приближаясь друг к другу, около левого виска пробегала судорога. Взгляд пронизательных глаз не стал менее внимательным, даже когда, омыв рану, я наложил заранее подготовленный подорожник, оторвал еще одну полоску ткани от своего плаща и положил ее на рану вверх травы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.